

Вербализация библейского мотива «Гордость» в детективном дискурсе (на материале рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God»)

М. К. Оводова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ovodova.mary@yandex.ru*

Аннотация. В статье проводится лингвостилистический и интертекстуальный анализы детективного рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God» (Молот Господень). Данный тип анализа служит для выявления вербализации у Честертона библейских мотивов. Имея символическую функцию, мотив постоянно проявляется в тексте через аллюзию, отдельные языковые единицы, таким образом производя на читателя определенный эффект. В исследуемом тексте нередко встречаются несколько мотивов, главные и второстепенные, они переплетаются, дополняя и раскрывая друг друга. Применяемый в статье метод лингвостилистического и интертекстуального анализа показывает, как мотивы реализуются через иконические знаки, языковые аллюзии, метафоры.

Ключевые слова: художественный текст, мотив, библейский мотив, аллюзия, символизм, вербализация

Для цитирования: Оводова М. К. Вербализация библейского мотива «гордость» в детективном дискурсе (на материале рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 85–91. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_85

Original article

Verbalization of the Biblical Motif of “Pride” in the Detective Discourse (based on the story “The Hammer of God” by G. K. Chesterton)

Maria K. Ovodova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ovodova.mary@yandex.ru*

Abstract. The given article presents linguostylistic and intertextual analyses of the detective story by G. K. Chesterton in the context of the verbalization of biblical motifs in the detective text. The motif itself, having symbolic function, usually manifests itself in text through allusions, separate linguistic units, the combination of which produces an indelible effect on readers. One can find more than one motif in the examined text, which are main and secondary, intertwining and complementing each other. Linguostylistic and intertextual analyses employed in the article show the realization of the motif in the text through symbols, allusions, metaphors.

Keywords: literary text, motif, biblical motif, allusion, symbolism, verbalization

For citation: Ovodova, M. K. (2023). Verbalization of the biblical motif of “pride” in the detective discourse (based on the story “The Hammer of God” by G. K. Chesterton). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 85–91. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_85

ВВЕДЕНИЕ

Со времени появления перевода Библии на английский язык, сюжеты и мотивы из нее плотно вошли в художественную английскую литературу. Система библейских образов и языка Библии лежат в основе многих литературных произведений, моделируя стиль и систему персонажей. Сказанное в равной степени относится и к созданию детективных произведений. В основном писатели ориентировались на перевод Священного Писания, сделанный под руководством Короля Якова в 1611 году (King James Version of Bible), на тексты из которого делаются ссылки также в этой статье, например, на книгу Притчей и Послание Иакова.

Детективные рассказы принято относить к массовой литературе, к произведениям, которые написаны для развлечения публики. Особенностью таких произведений является комбинирование эксплицитно выраженных элементов, а также элементов, которые читатель должен достраивать при интерпретации текста, то есть проявляющиеся имплицитно. В Универсальной научно-популярной энциклопедии (Энциклопедия Кругосвет) встречается следующее определение детектива: это художественное литературное произведение, в основе которого лежит вечный конфликт между добром и злом, что проявляется в раскрытии преступления¹. Победа добра над злом в детективном жанре проявляется в раскрытии преступления. Исходя из данного факта, можно полагать, что авторы детективных произведений имеют различные возможности использования библейских сюжетов и мотивов. На лингвистическом уровне библейские реминисценции в детективах проявляются в использовании как особых лексических единиц, так и определенных лингвистических приемов, например, лингвистических аллюзий, библейских фразеологизмов.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что на сегодняшний день она исследована лишь фрагментарно. Комплексный анализ библейских мотивов в детективной прозе с лингвистической точки зрения позволяет выявить набор приемов и лексических единиц, с помощью которых авторы трансформируют и переплетают мотивы и сюжеты Библии с интригой детективного произведения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным методом исследования в работе служит лингвостилистический и интертекстуальный анализы текста, которые включают в себя

определение свойств и особенностей отдельных лексем и частей текста в их связи с содержанием Библии, в частности с интерпретацией мотива «гордость». Кроме того, применяется лексикографический анализ для изучения отдельных библейских понятий, в частности *гордость*.

МОТИВ В ЛИНГВИСТИКЕ

В литературоведении и лингвистике в настоящее время существует множество определений термина *мотив*. Сходство дефиниций в основном заключается в том, что мотив – это постоянно повторяющийся элемент в тексте. Английский литературовед У.Фридман в своем эссе «Литературный Мотив: Определение и Анализ»² приводит определение из словаря «Читательский Гид по литературным терминам», данное К. Бенсоном и А. Ганзом. Мотив рассматривается как простая единица или элемент текста; тема, которая проходит через ряд работ; повторяющийся элемент в рамках одного произведения [Freedman, 1971, с. 124].

В основной части нашего исследования мы опираемся на это определение мотива, поскольку собранный нами языковой материал, где наблюдается систематическое повторение конкретных элементов в тексте, подтверждает справедливость данной дефиниции, позволяя разделить эту точку зрения.

Мотив составляет основу в описании событий, персонажей, окружающего пейзажа. У. Фридман пишет, что мотив проскальзывает в лексику автора, в диалоги персонажей, в выбранную систему образов, часто даже тогда, когда символизируемый референт не употребляется в произведении [Freedman, 1973, с. 125]. Морган уточняет, что мотив может быть сформирован шаблоном связанных выражений или группой лексем, а также буквальными и переносными ссылками на данные понятия или объекты, будь то животные, музыка и т. д. [Morgan, 2015, с. 196]

Мы можем предположить, что с лингвистической точки зрения мотив рассматривается как употребление в тексте постоянно повторяющихся элементов. Это могут быть образы, аллюзии, символы, которые служат вербализацией мотива в детективном тексте.

Символ обладает более насыщенной живописной образностью. В литературе каждый символ функционирует бесконечно разнообразно. С одной стороны, он может относиться к той или иной ограниченной области, иначе говоря, быть частичным символом, с другой, иметь предельно обобщенный смысл [Лосев, 1982, с. 439]. Например,

¹ Кругосвет : энциклопедия. URL: krugosvet.ru/enc

² Здесь и далее перевод наш. – М. О.

образы священника Отца Брауна и преподобного Уилфреда в анализируемом рассказе Г. К. Честертон являются символами двух противоположных христианских понятий «искренности» и «фарисейства», т. е. лицемерия.

Повторяющимися элементами в дискурсе также являются аллюзии. Аллюзии, согласно британскому лингвисту-семиотику Дж. Лайонсу, равнозначны отношению, которое возникает между словами и объектом. В данное «описание включается отношение языка и мира, в отсутствие пользователей языка» [Цит. по: Brown, Yule, 1988, с. 28]. Лайонс также отмечает, что именно говорящий делает ссылку на тот или иной предмет, используя определенные выражения, наделяет это выражение референцией. Подтверждение такой точки зрения мы находим у П. Ф. Стросона «Аллюзия – это то, для какой цели говорящий использует выражение» [Цит. по: Brown, Yule, 1988, там же].

В качестве примера вербализации и переплетения библейских мотивов мы приведем рассказ Г. К. Честертон «Молот Господень» (The Hammer of God) [Chesterton, 2006]. Такой выбор объясняется личными предпочтениями автора статьи, а также наглядностью проявления в нем мотива «гордость». Интересно отметить, что сам автор был верующим человеком, и каждый его рассказ из серии рассказов о патере Брауне несет в себе определенную христианскую мораль.

МОТИВ «ГОРДОСТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «МОЛОТ ГОСПОДЕНЬ»

В рассказе Г. К. Честертон вербализация библейского мотива гордости осуществляется через аллюзии, символы и языковые портреты персонажей. За основу Честертон берет стих из Библии, из книги Притч, делая его основным мотивом в своем произведении, при этом не давая прямой отсылки на Библейский текст, но имплицитно постоянно указывая на него:

Pride goeth before destruction, and an *haughty spirit* before a fall [Holy Bible, Pr 16:18].

Иначе говоря, гордость приводит к гибели, а надменность, что в английском переводе звучит как *haughty spirit*, ведет к падению.

The little village of Bohun Beacon was perched on a hill so steep that the tall spire of its church seemed only like the peak of a small mountain.

Мотив гордости, самовозвышения выражается в рассказе через противопоставление предлогов: *up, down*; прилагательные: *big, little / small*; через образы Церкви, горы. При этом само слово *pride* в тексте не встречается, но проявляется через аллюзии (*giant, huge, force, monstrous, look down*), приведенные в тексте, и контекстуальные синонимы (*height, haughty spirit, grossness*).

В тексте положение самого священника в пространстве, а именно его физическое передвижение вверх на колокольню или вниз, на площадь перед церковью, символически репрезентирует духовное положение героя.

He *went up* to a pew in the gallery, which brought him under a coloured window which he loved and always quieted his spirit.

The curate *followed* the cobbler *down* a short winding stair which brought them out at an entrance rather *higher* than the street.

Wilfred Bohun gave but one glance, and *ran down* the steps into the yard; And with that he (Father Brown) turned his back and *stumped up* the steps after the curate (Rev. Wilfred). They *went down* the winding stairs in utter silence...

Мотив гордости (*pride*) вербализуется в рассказе через метафорический образ Церкви, с живописного описания которой и начинается повествование:

That the *tall* spire of its church seemed only like the *peak* of a *small mountain*.

Начало рассказа заставляет читателя визуализировать высокий шпиль здания, стоящего на холме, на что указывают такие лексические единицы, как *tall, peak, the belfry* (*высокий, вершина, колокольня*). Символизм здесь заключается в том, что первое, что представляется глазам читателя, будет церковный шпиль, поскольку он репрезентирует в данном рассказе гордого священника. При этом автор сразу проводит оппозицию, использование линейного расположения слов *peak* и *small* в одном контексте имплицитно указывает на основной мотив рассказа – противопоставление гордости и смирения, надменности и кротости.

Словосочетание «*of a small mountain*», является символическим выражением важности концепта «смирения», который перекликается со словами патера Брауна в конце рассказа «*Humility is the mother of giants*» («Смирение – мать великих»).

В этом оксюморе прослеживается аллюзия на следующий стих из Библии:

Humble yourselves in the sight of the Lord, and he shall lift you up [Holy Bible, Jas 4:10]. – Смирись пред Господом, и Он вознесет вас (Синодальный перевод).

Этим явным противопоставлением образов двух священников, отца Уилфреда и отца Брауна, писатель поляризует две концептуальные группы, опираясь на христианские ценности: гордые и смиренные.

Образ отца Брауна, выраженный в языковых единицах: *the short priest, the little priest, not an interesting man to look at* (маленький священник, совсем не интересный человек) репрезентирует смиренного, праведного человека.

Для вербализации образа священника Уилфреда Боэна Честертон берет за основу библейский образ фарисеев, которых Христос называл лицемерами, внешне праведными, но внутренне полными пороков:

...hypocrites, blind guides, "...ye also outwardly *appear righteous* unto men, but within ye are *full of hypocrisy and iniquity*" [Holy Bible, Mt 23:28].

В процитированном предложении существительные *hypocrisy, iniquity* выступают контекстуальными синонимами мотиву гордости (*pride*). У Честертонна наблюдается переплетение основного мотива с второстепенным, который служит дополнением и только закрепляет у читателя ментальную модель созданного в самом начале образа лицемерного возгордившегося священника.

Мотив фарисейства находит свою вербализацию в языковом портрете старшего брата:

His brother the curate had also the yellow hair and the elegance, but he was *buttoned up to the chin in black*, and his face *was clean-shaven, cultivated*, and a *little nervous*. He *seemed* to live for nothing but his religion.

Используемое причастие *buttoned up* (застегнутый) указывает не только на внешнюю подтянутость священника, но иконически выражает внутреннее его состояние – закрытость и подчеркнутую правильность.

Значительную роль играет цвет облачения священника, который в данном контексте является символом отрешенности от внешнего мира. В католичестве черный цвет священства означает смирение, мертвость плоти и плотских радостей. С другой стороны, черный цвет ассоциируется с

тьмой, мраком, смертью. Автор недаром приводит в описании Уилфреда точное указание цвета, тем самым давая скрытую подсказку читателю, что здесь таится двойной смысл. При этом отец Браун на контрасте воспринимается как образ светлого и праведного человека. Ориентируясь на культурные фоновые знания читателя, автор не описывает в этом рассказе одежду патера, которая, классически, является черной.

Глагол *seemed* указывает на поверхностность, что находит отражение в лицемерном образе фарисеев, которые молятся напоказ в различных местах, уже получив свою награду. В библейском тексте мы читаем:

And when thou prayest, thou shalt not be as the *hypocrites* are: for they *love to pray standing* in the synagogues and *in the corners of the streets*, that they may be seen of men. Verily I say unto you. They have their *reward* [Holy Bible, Mt 6:5].

The Rev. Wilfred was almost *trembling with the excitement of his own glimpse of the truth*. "Don't you see; don't you see," he cried feverishly; "that is the only theory that covers both the queer things, that answers both the riddles. The two riddles are the *little* hammer and the *big* blow..."

Приведенный отрывок речи священника вновь указывает на мотив фарисейства. Словосочетание *his own truth* отсылает читателя к образу гордого человека, который всегда выносит свой суд, имеет свою правду. Нервное состояние *was almost trembling with the excitement* выразилось в лексическом повторе вопроса (прописанный без соответствующего синтаксического знака), имплицитно показывающее возмущение героя, его возбуждение: *Don't you see; don't you see*. Подтверждением такого предположения служит отмеченная автором интонация произнесенных слов, с усиливающим эффектом наречием *he cried feverishly*.

В рассказе церковь представляет собой метафору, которая является олицетворением настоящей природы человеческого лицемерного смирения. Здесь Церковь представляется многозначным символом: с одной стороны – это возгордившийся священник Боэн, а с другой стороны возвышенность над земной суетой, уход в иной, высший мир, иначе говоря, обобщенный, абстрактный характер означаемого. Как мы можем заметить, в начале рассказа церковь описана холодными, возвышенными, отстраненными красками.

He was anxious to forget such *grossness* in the cool twilight of his tall Gothic cloisters; but on that

morning it was fated that his still round of religious exercises should be everywhere arrested by small shocks.

Следующие выражения *the cool twilight of his tall Gothic cloisters; purification and new thoughts; a blue window with an angel carrying lilies*, представляют собой символическую репрезентацию гордого, отстраненного человека. Опираясь на культурные фоновые знания читателя о библейских принципах, автор имплицитно указывает на гордую человеческую неприступную, моральную чистоту, которой не могут добиться простые люди.

В кульминации рассказа, эта чистота оказывается страшной, вызывая болезненные ощущения, и даже более того, призывающей к самоубийству – самому страшному греху. Здесь мы наблюдаем градацию для усиления эффекта.

The lines of the Gothic building plunged outwards into the void with a **sickening** swiftness **akin** to **suicide**.

Автор прибегает к такому стилистическому приему как сравнение (simile), снова делая аллюзию на библейский стих о падении гордых, которые, словно бешеные кони, устремились вниз:

...Titan energy... it always seems to be rushing away, **like the strong back of some maddened horse**...

The whole atmosphere was **dizzy and dangerous** ... and **the whole** of that old church, as tall and rich as a cathedral, seemed to sit upon the sunlit country like a cloudburst.

Символическая репрезентация падения передается прилагательными *dizzy* и *dangerous*, которые отсылают читателя к стиху из книги Притч Соломона, приведенном в начале. *As tall and rich as a cathedral* – прилагательные *tall* и *rich* в приведенном контексте эксплицитно указывают читателю на основной мотив гордости, а сравнение *church... as a cathedral* символически репрезентирует величие священника, который, добившись успеха, может быть уподоблен великому собору, вызывающему восхищение.

Кульминацией рассказа, а также моральной точкой, которая раскрывает мотив, является монолог отца Брауна, произнесенный на высоте церковной башни:

Heights were made to be **looked at**, not to be **looked from**... – Вершины созданы для того, чтобы ими любоваться, но не для того, чтобы смотреть с них...

И тут же прибавляет:

...**Humility** is the mother of **giants** – ...смирение – мать великих.

Мы находим еще одну аллюзию к Писанию:

Humble yourselves in the sight of the Lord, and he **shall lift you up** [Holy Bible, Js 4:10].

Автор делает акцент на оппозиции гордости. Честертон в произведении создает ментальную модель, в центре которой смирение – добродетель, что эксплицитно выражается в тексте. Слово *humility* (смирение), а также отдельные лексические единицы *small* и *short* непосредственно указывают на это.

...dizzy places, where the whole world seemed to **turn** under him like a wheel, his brain **turned** also, and **he fancied he was God**. So that, though he was a good man, **he committed a great crime**."

Глагол *turn*, используемый в зевгме *world seemed to turn under him* и *his brain turned also*, создает комический эффект. Автор иронизирует над пороком возгордившегося священника, при этом, не теряя трагизма всей сложившейся ситуации. Интересно отметить, что в описании атмосферы разговора, уже существует намек на такое состояние человека, приводя образ бешеных коней *some maddened horse*, которые задают читателю направление падения и гибели.

Далее Г. К. Честертон делает аллюзию на книгу «Бытие», где змей, искушая Еву, говорил об их преображении в богов, знающих добро и зло:

And the serpent said unto the woman, Ye shall not surely die: For God doth know that in the day ye eat thereof, then your eyes shall be opened, and ye shall be as **gods, knowing good and evil** [Holy Bible, Ge 3:4-5].

Патер Браун предостерегает священника, находящегося в очень опасном состоянии. Поставив себя на место Бога, он позволил себе распоряжаться жизнью другого человека, то есть возвысил себя, и разум его помутился (*his brain turned also*). Стихи, приведенные из книги Бытия, указывают на то, что человек с вкушением запретного плода становится судьей над всеми, знающим добро и зло, т. е. имеющим право управлять судьбами людей. Но это глубокое заблуждение человека, на что указывает словосочетание *he thought* в начале отрывка. Эта отсылка на ошибочное человеческое

понимание задает тон всему монологу отца Брауна, все начинается с мысли, перерастая в действие:

...He *thought* it was given to him *to judge* the world and strike down the sinner. He *would never have had* such a thought if he had been kneeling with other men upon a floor. But *he saw* all men walking about like *insects*...

Используемое в отрывке сослагательное наклонение прошедшего времени эксплицитно указывает на бесповоротность совершенного греха, причиной которого явилась гордость. Если бы священник был как всякий молящийся, смиренно склонившим колени на полу церкви, не произошло бы падение его души.

Итак, в приведенных выше фрагментах наблюдается кульминация мотива «гордость» (*pride*). Это выражено в таких словах и выражениях, как: *and he fancied he was God, thought it was given to him to judge, strike down, insect, poisonous insect*.

Стоит отметить, что в глазах гордого человека другие люди становятся малы и незначительны. Здесь писатель использует метафору *insects*, как разницу между размером человека и насекомого, при этом мы видим градацию образов: *insect, poisonous insect, a green beetle* (насекомое, отвратительное насекомое, зеленый жук). Иначе говоря, в глазах героя, чем грешнее человек, тем больше он воплощает в себе грязные, земные страсти.

Конец рассказа посвящен признанию священника в братоубийстве. Примечательно то, что отец Браун сопровождает отца Уилфреда с колокольни вниз: *they went down the winding stairs*. В данном

предложении Честертон символически описывает путь смирения *humility*, именно то, что противопоставляется гордости. Направление их пути – предлог *down* – свидетельствует не только о том, что физически они спустились с лестницы, но имплицитно указывает на то, что Уилфред изменил свое внутреннее устройство от превознесенного к умышленному, от гордого к смирному. Оппозиция образов героев, которая указана в начале текста, исчезает, перед глазами читателя предстает духовно переродившийся человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в рассказе Честертон вербализуется главный мотив «гордости» через символические знаки, лингвистические аллюзии к Священному Писанию, через особую систему выбора лексических единиц, используемых в языковых портретах персонажей. При этом сам мотив не выражен словом или фразой, непосредственно указывающих на него.

Также отметим, что все используемые аллюзии, тонко подобранные лексические единицы, а также появление основного мотива в кульминационном монологе рассказа делает его эффективным и целостным, а второстепенные мотивы логически вытекающими из основного. Второстепенный мотив фарисейства раскрывается в речевом портрете старшего брата – священника и вплетается в основной мотив «гордости», дополняя и раскрывая его. Исследование переплетения мотивов в детективной прозе представляется одной из перспектив дальнейшей работы в этом направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алякринский О. А., Зверев А. М. и др. Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет: официальный сайт. М., 1998. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura
2. Freedman W. The literary motif: A definition and evaluation // *Novel: A Forum on Fiction*. 1971. Vol. 4 (2). P. 123–131.
3. Morgan J. M. How do motifs endure and perform & Motif theory for the study of Biblical narratives // *RB: Université de Fribourg*. T. 122 (2). 2015. P. 194–216.
4. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
5. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
6. Chesterton G. K. The Hammer of God // Chesterton G. K. The Complete Father Brown Stories. London: Wordsworth classics, 2006. P. 133–146.
7. Holy Bible. King James Version. Vereeniging: Christian Art Publishers, 2016.

REFERENCES

1. Alyakrinsky, O. A., Zverev, A. M. (1998). Universal'naya nauchno-populyarnaya enciklopediya Krugosvet = Universal popular science Encyclopedia Circumnavigation: official website. Moscow. https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura (accessed 24.11.2022). (In Russ.)

2. Freedman, W. (1971). The literary motif: A definition and evaluation. *Novel. A Forum on Fiction*, 4(2), 123–131.
3. Morgan, J. M. (2015). How do motifs endure and perform? Motif theory for the study of Biblical narratives. *RB: Université de Fribourg*, 122(2), 194–216.
4. Losev, A.F. (1982). *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiu = Sign. Symbol, Myth. Works on linguistics*. Moscow: Moscow University Press.
5. Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Chesterton, G. K. (2006). The hammer of God. *The complete Father Brown Stories* (pp. 133–146). London: Wordsworth classics.
7. Holy Bible. King James Version (2016). Vereeniging: Christian Art Publishers.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оводова Мария Кирилловна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovodova Maria Kirillovna

Postgraduate student at the Department of General and Comparative Linguistics,

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.12.2022
18.01.2023
30.01.2022

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication